

СТРЕНОЖЕННЫЕ МЕЛОДИИ

Письмо другу по случаю его даты

Сколько мы знакомы, Муслим? Ровно тридцать лет. То есть у нас было время состариться. Но — черта с два! Так что давай еще немного покурим в творчестве. Не важно, что мы по разные стороны этого костра. Разница небольшая. Тебя знают все. А я зато знаю всех.

Почему «стреноженные»? Ты человек восточный, чтишь избрательность формы. Орнамент (в том числе и речевой) — вещь любопытная. Но ты любишь прямее, проще. Сперва я хотел так, по-прустовски: ОБРЕТЕННАЯ МЕЛОДИЯ (у французского писателя — «Обретенное время»). Такую вот точку он поставил в конце своей эпопеи «В поисках утраченного времени». И все-таки — СТРЕНОЖЕННЫЕ. Потому что мелодия — молния. И если ее не укротишь, не укоротишь, не стреножишь, как огневого скакуна, — понесет, сбросит, испепелит.

И еще два слова необходимого вступления. Почему письмо? Знаешь, я столько много написал о тебе за эти годы (очерки, эссе, беседы, радиопередачи, пластиночные конверты) и все время приходилось прятаться в рамках жанра, что теперь я позволю сказать о тебе — тебе напрямую, вне жанра, потому что письмо — не жанр, а прямая линия, то есть самое короткое расстояние от одного человека к другому.

Итак, стреноженные мелодии твоей судьбы.

МЕЛОДИЯ ДЕТСТВА

Когда ты вспоминал свое детство, я невольно задумывался о своем. Как непохоже. Но в одной тональности одно к одному: война. И жестокий финал ее. Мы остались без отцов. Что ты помнишь о том далеком-недавнем? Затеи-ливые узоры мугама, тихую печаль удмурной русской колыбельной? Нежный ли сквознячок итальянских мотивов? Все это чудесно соединялось в твоём доме. Отец ушел на фронт. Не вернулся. Он погиб в двадцать девять. Когда тебе стало столько же, ты, уже всемирный певец, нашел могилу отца, художника и солдата Магомета Магомаева, на польской земле. Пусть память о нем, эта светлая и печальная мелодия, как талисман, охраняет твою судьбу и твои песни.

МЕЛОДИЯ ЮНОСТИ

У всех нормальных людей юность должна быть бесшабашной. А у тебя? Бесшабашность под аккомпанемент музыки? Вот кто повелевал — музыка! Сначала были скрипки, рояль и патефон, оставленные в наследство твоим дедом, полным тезкой, композитором Муслимом Магомаевым, на кого ты очень похож. Но скрипка отзывалась истошным криком протеста, пока ты не упрятал ее в чулан. Рояль приручал тебя к часовым бдениям. Ты воображал, что это — оркестр. Клавиши — музыканты. И еще волшебным притягивал патефон. До ломоты в ногах ты простаивал возле него. Так ты познакомился с великими итальянскими певцами. И стал им подражать голосом. Выучишь по пластинке оперную арию, придешь в класс (ты тогда учился в музыкальной школе) и станешь петь, изображая на лице страсти и широко, как бы по-оперному разводя руками (этот жест останется). Так, играючи в певца, ты не подозревал, что это станет твоей судьбой. А потом был фильм «Полночный поцелуй» с великим Марио Ланца. Неповторимые, терпкие, сочные краски его голоса, музыкальность,

взрывающая эмоциональность... Через многие годы, когда будешь работать над радиоповестью и книгой о своем кумире, ты скажешь: «Я не считаю достаточным наличие у певца большого голоса, безукоризненной школы и блестящей техники. Все это должно питать душу артиста». Стало быть, плюс душа. Ланца пел, как птица, не задумываясь о том, кто его слушает.

И ты стал певцом. И — теперь об этом должно сказать — мелодия твоей судьбы чудесным образом совпала с мелодией судьбы твоего любимого Марио Ланца: милостью Божьей голос, умопомрачительный оперный старт и вираж на концертную эстраду, то есть ближе к людям, плотней и как бы отвечая собственной внутренней демократичной интонации. Сейчас на выходе твоя книга о Ланца. Пусть прочитают ее и скажут: прав ли я в своем сравнении?

МЕЛОДИЯ НАБАТА

Вот тогда, в начале шестидесятых, мы и познакомимся. Помню беломраморный марш лестницы бывшего елизаветинского дворца (ныне столичный Дом имени Фрунзе, что на площади Коммуны). Тебя почти никто не знает. Ты высокий и красивый. Тонкое лицо, длинные ломкие руки. И — глаза! Темные, они горят любопытством, но вдруг — гаснут, уходят в себя, на лице тень глубокой задумчивости. Это у тебя и по сей день. Даже когда ты смеешься. Глаза все равно задумчиво-печальны. Я понимаю, твоему редкому дару и твоему характеру — вечной спутницей одиночество. Тем больше славы, тем отдаленней от толпы, тем смятенней душа. Узок круг друзей, хотя темперамент в редкие минуты восторга повелевает обнять весь мир...

И вот та лестница, ведущая в зеркальный зал репетиционной комнаты. Зеркала делают небольшую комнату причудливо-глубокой. Оркестр Тофика Ахмедова. Дирижер тебе тихо: «Бухенвальдский набат». Вы

Семь дней. — 1992. — № 34. — С. 14.

готовы, Муслим?» За секунду-другую девятнадцатилетний артист стареет на десять лет. Первые такты вступления. Ты зашел. Комнату оглушило. Обрушилась, накатила волна на бата...

Потом, Муслим, я столько раз буду слушать этот гимн памяти и предостережения Мурадели в исполнении разных певцов, и хоров, и целого стадиона гулкою моря голосов. Но тогда, в этой старинной зале... Только помню, как в горле — ком, и удуше, и мурашки по коже.

Ты взлетел по белым ступенькам — на хельсинкский молодежный фестиваль. Грянул над молодой планетой «Бухенвальдом», а для отдушны, для смягчения проговорил ласковыми, мерцающими звуками чудного ноктюрна любви «Смотри, какая луна», — и вернулся знаменитым.

МЕЛОДИЯ МИЛАНА

Фестиваль позади, в легкой дымке, будто сон, а у тебя — события, события, уже не отступить, заводная машина, может, только теперь ты сам ее и сломал, надоело, черт побери, крутиться на потребу времени, устал, подумать надо. А тогда... Бакинская консерватория, опера, концерты, радио, ТВ. И вот Италия, стажировка в миланском «Ла Скала». Два срока учебы. Наставники маэстро Барра и Пьяцца предрекают блестящую карьеру оперного певца. А в свободное время — театры, музеи, музыкальные салоны. На пластинки (особенно Ланца) уходила вся стипендия.

Но пора возвращаться. На родную землю ступал артист, познавший истину: талант — дело нешуточное. На твоём лице легли складки строгости.

МЕЛОДИЯ СЕМИДЕСЯТЫХ

Муслим, я представляю, что ты чувствовал, когда о твоих триумфальных семидесяти годах стали говорить как о застойных. Простим дураков. Тыто никогда не плясал под дудку времени и «сильных мира сего», даже когда пел на правительственных ристалищах. Ты рассказывал, как однажды тебе околумузыкальный чинуша пытался втянуть гимн о бравом вожде. Ты так странно посмотрел на холуя, что он сразу понял — ошибся адресом. Хотя гимн был хороший: на четыре четверти железобетона с зарифмованной галиматьей.

В семидесятые каждый твой концерт — событие. Выступление отличала продуманная драматургия, в которой ненавязчиво соединялись оперные арии (в том числе и азербайджанских классиков), советские песни, серьезные и заводные,

в модных тогда ритмах твиста или какого-нибудь шейка. А как ты аккомпанировал себе на рояле! Зал гудел от двойного, так сказать, таланта кумира... Помнится, я спросил тогда у тебя: «Может, посдержаннее? Чего ж три часа кряду гореть и умирать в каждой песне, в каждой арии...» Ты грустно улыбнулся: «Нет, надо, как в последний раз. Другие концерты будут. И, может, не менее удачные. Но время будет совсем другое».

МЕЛОДИЯ ВСЕМЕМ ДРУГОГО ВРЕМЕНИ

Давай чуть-чуть оглянемся назад. Ты не стал оперным певцом, хотя, Бог свидетель, тебе только нужно было сказать себе: да. Ты много спел оперного, на радио тьма записей (и каких!). Ты не уехал, хотя многие и менее даровитые давно бы уехали. Ты отказался от предложения хозяйина парижской «Олимпиады» переехать во Францию, чтобы покорить мир, но уже «оттуда». Ладно, было — не было. Ты остался с нами. И если тебе от меня — от имени всех — нужно услышать сердечное слово понимания, я произношу его: «Спасибо за то, что ты остался верен себе, равночелен себе, что ты с нами, хотя и реже балуешь нас своими концертами». Я не осмеливаюсь загадать загадку твоего непроницаемого дара (может, и вправду, «восток — дело тонкое»). Я просто вижу и слышу твою мелодию совсем другого, может, совсем не твоего времени. Страсти вокруг тебя поутихли, а талант твой остался тем же. Публика изменилась. Что же, подыгрывать новому? Или идти несуетно, из себя, а не от кого-то или чего-то — к себе, как делают многие, да чуть ли не все. Количество концертов (именно концерт, а в его основе — твой любимый мелодии — и стал формой твоей художественной исповеди) сократилось, качество осталось. Ты продолжаешь сочинять музыку. Ты пишешь книги (на очередную книгу о себе), делаешь глубокие радиопередачи (о Ланца, Каллас, Стрейзанд, Пресли...). И все-таки не забывай, что ты истинный артист с неповторимым, одухотворенным красотой и мужеством голосом, а главное, со своей мелодией судьбы, которой ты ни разу не изменил.

Твои 50 лет — чепуха. Раз, два, три, четыре, пять, умноженное на десять. Тыфу, арифметика, еще даже не алгебра. А ведь у тебя, дорогой друг, другой счет — гармония, красота. А это вне времени.

Жму руку, ВИКТОР УЛАНОВ.